

Мезальянс

Пётр Ореховский

Доктор экономических наук Петр Александрович Ореховский родился на Алтае, учился в Новосибирске и Санкт-Петербурге, работал в Усть-Илимске, Барнауле, Новосибирске. Последние семь лет живет в Обнинске, руководит лабораторией экономического анализа; проблемы развития муниципалитетов, которыми занимается лаборатория, профессор знает не только теоретически — сам работал в городских администрациях. Это знание жизни, ее новых реалий и новых героев явно прослеживается и в его литературном творчестве. Рассказы автора публиковались в «Октябре», в красноярском литературном журнале «День и ночь»

Однажды в городе N произошло неожиданное событие: Иван Антонович женился на Марье Петровне. Сколько бывает на свете неожиданных событий, но создание, как говорили в сказочную коммунистическую старину, ячейки общества для совместного проживания, — дело, полное таинств, — остается, пожалуй, наиболее удивительным явлением на свете. И не то чтобы Иван Антонович был непубликуемым поэтом, а Марья Петровна — дочь первого секретаря на старый лад; и не то чтобы он был япши — заместитель управляющего регионального управления Сбербанка, а она — негритянка во втором поколении на лад новый, современный, вовсе нет. Ибо это отнюдь вам не мезальянсы, а браки между людьми, по своему очень даже статусными. Просто каждый из них выделяется не там, где выделяется другой. Ну и что? Выходят же замуж простые фотомодели за простых футболистов или, там, я не знаю, других авторитетных людей, которых за их авторитет так и называют — крыша. И встречаются они постоянное или временное счастье друг в друге. Здесь всем все очевидно, поскольку присутствует полное интеллектуальное равенство и взаимопонимание.

Случались конечно же в городе N и действительно неравные браки. И они, тем не менее, обществом мало обсуждались. Ибо нужна аристократии свежая кровь, за нее ничего не жалко. Кто будет бороться за место под солнцем, когда оно тебе обеспечено с детства? И не борются; а ведь кончается это тем, что благородные потомки просаживают нажитое горбом и хитрой трусоватой смелостью родительское положение. Только свежая кровь может не только положение не просадить, а даже по возможности улучшить, несмотря на некоторую неизбежную вульгаризацию, что надо принимать как минимальное зло. Так что и такое обстоятельство практически не вызывало в солидных людях никакого интереса.

А вот союз Ивана Антоновича и Марьи Петровны обсуждали и спорили долго: кто здесь выиграл? кто здесь проиграл? «Любит он ее», — говорили отдельные романтики, и правда могла заключаться в их словах, поскольку весьма соблазнительна была Марья Петровна и лицом и фигурой. Смеяться умела так заразительно, что не поддержать было невозмож-

но, как будто вас щекочат одновременно и по пяткам, и подмышками. Большая мужская часть романтиков не поддерживала: «Увлечься, конечно, можно, но жениться-то зачем?» — говорили умудренные опытом знатоки, мнение которых обычно оказывается решающим. Оно и вправду: Марья Петровна жаловала мужской пол с ранних студенческих лет и со многими серьезными людьми города N находилась в отношениях старой боевой подруги. Хотя исполнилось молодой жене Ивана Антоновича аккурат перед свадьбой двадцать девять лет.

«Что она в нем нашла?» — возмущалась большая часть знакомых с Марьей Петровной замужних девушек. И это был справедливый вопрос: Иван Антонович имел автомобиль «Жигули» снятой с производства девятой модели, арендуемую однокомнатную квартиру на окраине города и довольно заурядную внешность: рост под сто восемьдесят сантиметров, при сорок восьмом размере пиджака, глубоко посаженные глаза и длинный нос. Был он скорее не худощавым, а даже тощим, или, выражаясь высоким стилем, весьма субтильным, что современным девушкам, озабоченным атлетизмом своих партнеров, никак не импонировало. «А кто у него родители?» — вопрошали наиболее продвинутые единичные представители дамского населения. Родителей Ивана Антоновича не знали, ибо жили те в другом городе и в N не приезжали. Что это был за жених, который без родителей? Знаем мы таких женихов по американским триллерам. Ведь убьет, присвоит чужое и высоким положением Марьи Петровны в обществе пользоваться будет. Да и что у него в родословной? Шизофреники, поди?

«О чем разговор, засиделась она в девушках, давно пора было замуж выходить», — свидетельствовала другая, далекая от знаний обстоятельств жизни Марьи Петровны, но весьма представительная часть дамского населения. Девушка, до тридцати лет не выходящая замуж... в ней что-то не так устроено. Наличие любви Марьи Петровны к Ивану Антоновичу женщинами города N как достаточно знающими жизнь не обсуждалось.

Да и что есть любовь? Страсть? Роковое влечение? Мужчины, вооруженные знаниями органической химии, еще могли бы ответить, что это повышение уровня тестостерона в крови, вызванное поглощением женских феромонов, тем самым негласно признавая материальную природу, да и само существование явления. Женщины же, как существа более тонкие и даже некоторым образом мистические, могли бы добавить, что тестостерон тестостероном, а наличие интерьера помещения, экстерьера кавалера, гастрономических свойств позднего ужина, некоторых ювелирных изделий, свечей, поглощающих излишний кислород, весь-

ма располагают близкие души к пониманию и гармонии, при некоторых дополнительных обстоятельствах воспринимаемых слабым полом как любовь или что-то ей подобное. Впрочем, тут же оговорятся они, если душа к рассматриваемому субъекту не лежит, то, как ни располагай упомянутые атрибуты, ничего из этого не получится, поскольку оная душа не принимает. Вследствие чего обсуждение данного тонкого предмета и не возбуждается, заменяемое различными физиологическими подробностями, наличествующими или отсутствующими во время сексуальных упражнений, что мужчин, познающих мистические свойства русских красавиц эмпирическим путем, как правило, вполне удовлетворяет.

Иван Антонович был моложе Марьи Петровны на один год и конечно же был в нее влюблен. Во всяком случае, он так думал. Кавалером он был неопытным и с благодарностью принимал уроки от своей любовницы, а впоследствии — жены, которую поначалу все это весьма забавляло. Иван Антонович ее, что называется, выходил, периодически преследуя на улице, даря цветы и разные дамские мелочи, подвозя с работы; Марья Петровна воспринимала его как своего верного пажа. Вышла замуж, как полагала, из каприза: с прежними серьезными людьми она разошлась в силу некоторой духовной несовместимости, а одной было скучно. И тогда решила она обзавестись ребенком, а для этого надо было выйти замуж.

Марья Петровна была современной успешной женщиной, получившей хорошее юридическое образование в Саратове. Школа саратовская ставилась любителями сравнений не ниже московской и петербургской, а учитываемая существенно меньший уровень претензий выпускников, так и, пожалуй, даже выше. Марья Петровна отработала два года в городской прокуратуре N, после чего перешла в нотариат, почти сразу став одним из самых модных и известных в городе нотариусов. Немало тому способствовали знакомства, заведенные ею в прокуратуре.

Родители Марьи Петровны тоже были известными людьми. Отец долгое время работал в управлении внутренних дел, а мать преподавала иностранный язык в одном из местных вузов. Так что невестой она была завидной, и только ее разборчивость (Марья Петровна

предпочитала иметь в качестве любовников обеспеченных мужчин, которые почему-то часто оказывались женаты) и эмансипированность мешали ей давно обзавестись семьей.

Иван Антонович образование получил инженерное, коммунальное, и был специалистом в различного рода системах отопления, водоснабжения и канализации. Образование он получил в Москве, в Академии жилищно-коммунального хозяйства и строительства, но, в отличие от большинства своих сокурсников, столицей не прельстился, а, заведя множество полезных контактов среди поставщиков сантехники, уехал на работу в Водоканал города N. В Водоканале он отработал три года, но, не получив обещанной квартиры, перешел на собственные коммерческие хлеба, организовав ремонтно-строительную фирму, монтирующую для обеспеченных горожан сантехнику и прочие нужные для комфортабельной бытовой жизни приборы. Иногда, в порыве страсти, говорил Иван Антонович Марье Петровне следующие ласкательные слова:

— Мы с тобой, моя дорогая, никогда без работы не останемся. Люди будут всегда составлять завещания, оформлять сделки и дарственные, гадить, пить воду и купаться. И мы всегда будем им нужны.

— Куда же они без нас, — улыбалась нежно Марья Петровна, глядя в глаза Ивану Антоновичу.

Прекрасная создалась вообще-то ячейка капиталистического общества. И гордо смотрели они вперед, в обеспеченное правовым государством и демократическим политическим строем будущее. Ибо кому же, как не им, компетентным и востребованным, с обеспеченным рынком сбыта своих услуг и прекрасной кредитной личной историей, было наращивать свое личное благосостояние и обеспечивать судьбу будущих детей? Разве не ради них предпринимались приватизация, реформа ЖКХ и принятие новой Конституции 1993 года? Разве не достойны они того, чтобы их президенты залезали на танк или летали вторыми пилотами в штурмовиках? Разве не для них снимаются фильмы и пишутся книги мечущимися в душевных терзаниях представителями творческой интеллигенции? И если вы мне ответите, что не для них, то спрошу я вас: а кто еще в нашей замечательной стране будет все это покупать?

Одно обстоятельство несколько омрачило обряд венчания молодых, который прошел как раз после регистрации акта гражданского состояния Ивана Антоновича и Марьи Петровны. Не было на этом торжественном событии родственников жениха. Ни родителей, ни братьев, ни какой-нибудь седьмой воды на киселе. Не приехали они из захудалого городка, что находится в Северо-Западном федеральном округе. Иван Антонович

ездил туда раз в три года, да еще и деньги посылал. Два раза в год. И рассказывал Марье Петровне, что, несмотря на все предпринимаемые властями усилия, царит в Псковской области полностью отвергнутый массами социализм. Нету там денег у населения, а цены такие же, как в городе N. И кто продукты покупает, непонятно, если, конечно, не брать экспорт в соседнюю враждебную Эстонию. Да и изделия всё по большей части низкого качества, за исключением того, что привозят из ближнего Петербурга и опять-таки вступившей в НАТО чуждой теперь нам страны Эстонии. Марья Петровна послушала Ивана Антоновича и ехать показывать его родителям в Великие Луки отказа-

лась. И даже обидела немного мужа своего, сказав, что у них в области N тоже есть замечательное поселение под названием Большие Мурлы. И съездить туда можно за гораздо меньшую плату, и жители те же самые, что во Пскове с его областью, а тайга там не в пример красивее. И что лучше бы все-таки было, чтобы его родственники приехали погостить к ним в город N, который все-таки немного больше, чем вся Псковская область. Иван Антонович затаил обиду, поскольку родственников приглашал, но приехать они отказались, а он полагал, что Марья Петровна будет сговорчивее, но... в общем, обидно было ему. Хотя понимал он, по его мнению, общие чувства той и другой стороны.

Иван Антонович был совсем не прост, хотя держал язык за зубами и вообще не светился. Жители города N, любящие поболтать, поскандальничать под хорошее шампанское, слетать куда-нибудь (не так чтобы в Нью-Йорк, — это уж слишком, — а по мелочи, в Ниццу или Карловы Вары), — таких, как он, не любили. Чего это он все помалкивает? Или у него денег не хватает на развлечения и порядочный автомобиль? Странная птица. Марья Петровна, тоже любившая бывать на Лазурном берегу, знала, однако, что Иван Антонович строит в черте города хороший дом, поскольку сама заверяла документы на покупку земельного участка. Дом требовал денег, поэтому Иван Антонович был скромнен. Молчаливость его Марью Петровну устраивала: она и сама могла поговорить, и подруг у нее хватало. В запланированный срок дом был достроен, а в другой плановый срок родился сын у Марьи Петровны и Ивана Антоновича, а еще через два года родилась дочь, и разговоры общества о том, кто из молодых супругов сделал другому скидку при заключении гражданско-правовой сделки, именуемой брачным союзом, постепенно стихли. Несмотря на то, что все счастливые семьи были счастливы в городе N абсолютно по-разному и даже от разных причин, что несомненно удивило бы великого русского классика, тем не менее о счастливых семьях рассуждать обществу было скучно. А ведь напрасно, право же, напрасно. Поскольку именно в природе счастья коренятся все причины будущих неприятностей и горестей семейного союза — как в несчастье сам способ получения бед, сваливающихся неудачнику на голову, есть будущее зерно вступления его в полосу везения. Ибо ничего не продолжается в нашей жизни бесконечно, разве что только само знание причин и вызываемых ими последствий. Но такое знание приносит обладателю его одну печаль и никак со счастьем не гармонирует, как не может гармонировать с жизнью никакая бесконечность.

Наступление счастья Марьи Петровны и Ивана Антоновича было predetermined с неизбежностью. Человеческая жизнь устроена таким образом, что нужна индивидууму уверенность: ничем он не обделен и даже есть у него нечто, делающее его лучше других. В молодости много совершается событий: и кто в какой вуз поступает, и женился или нет, а уж коли женился, есть ли у тебя дети. Поэтому на Марью Петровну смотрели ее замужние подруги с некоторым сожалением и высокомерием: что же она, такая умная, еще не обзавелась положенным ей дополнительным мужским устройством? Что-то, значит, есть в ней неполноценное. Кроме детей, выходят на первый план и другие важные атрибуты: наличные дома отдельного, автомобиля просторного и мощного, даром что горючее жрет подобно танку в боевом сражении. Дополнительно нужно по миру поехать, на Эйфелеву башню залезть, с аквалангом в теплые моря спуститься, опять же в Альпах на лыжах покататься. И конечно же вопрос о размере доходов везде присутствует, только какой же порядочный человек скромного юридического или сантехнического работника про это спросит. Все у нас зарабатывают одинаково, начиная с правительства, полностью лишенного прежних номенклатурных привилегий, исключение только олигархи составляют, потому они так и раздражают общество. А порядочный человек умозаключение по другому разделу произведет: не сколько зарабатывают, а сколько тратят. И уж если много тратят, так это все, что надо для понимания счастья, и означает. Потому что много тратить могут только очень счастливые люди.

Брак Марьи Петровны и Ивана Антоновича, хотя и был воспринят обществом города N настороженно, в целом-то очень их к счастью продвинул. Ведь сколько ни говорят о других формах совместного человеческого проживания, но за много тысячелетий человечество ничего лучше семьи не придумало. Но не формулировали себе Марья Петровна и Иван Антонович столь сложных зависимостей их семейного счастья от других людей и очень даже оскорбились бы намеками на то, сколь сильно они зависят от чужого мнения. Потому как очень важным считали Иван Антонович и Марья Петровна свой физиологический мир, где нашли они полное друг в друге взаимопонимание. Оба они, встретившись, уже не были девственника-

ми, робко замиравшими от новых ощущений и желаний, однако опыта и уверенности у Марьи Петровны было побольше. Иван Антонович шел навстречу ее желаниям и обнаруживал, что и ему все это нравится, и ожидал он наступления большинства супружеских ночей с нетерпением. И полагали они справедливо имевшуюся у них сексуальную гармонию за редкое и большое семейное счастье.

Так и прошли счастливые десять лет брака Ивана Антоновича и Марьи Петровны, за время которых стали они одними из столпов светского общества города N. Нигде без них не обходилось. И концерты слушали, и в гости ходили, а часто и у себя принимали. А еще часто летали совместно с другими столпами светскими куда-нибудь за рубеж. Бывало, занесет меня нелегкая в Домодедово, сижу себе и смотрю на взлетающие самолеты типа А-310 или Боинг. Вот, думаю, светские столпы за рубеж полетели. И действительно они летят, из городов N, M и даже X, и долго еще после них полоска светится остывающих выхлопных газов. Да... а вот из других городов почти и не летят. То ли там столпы неперелетные, то ли исчерпывается у нас вся светская жизнь десятком известных всем мегаполисов. И это, наверное, правильно умными людьми устроено, ибо не должно быть широкой светской жизни в капиталистической стране, массовость в этом деле нам ни к чему.

Тем временем обнаружил Иван Антонович в себе неожиданные таланты: оказалось, что мужчина-то он в постели прямо хоть куда. Школа Марьи Петровны сделала из него ценного для города N человека: очень сильно он об удовольствии партнерш заботился; о том, что бывают на свете женщины фригидные, он не подозревал, а думал нечто обратное, прямо скажем, обидное для своих собратьев-мужчин. Годы прожитой семейной жизни с красивой и уверенной в себе женщиной сделали и его красивым и уверенным в себе: он отъелся до пятидесятого размера, щеки у него округлились, и вошел он в тот замечательный возраст ценных молодыми дамами мужчин от тридцати до шестидесяти, когда тяжелые мысли о судьбе Родины на лице гладком никаких следов не оставляют. Только эмоции одни на нем у российских деловых и политических людей читаются: бровки холмиком — это мы сосредоточились, бровки вверх — рассержены мы и удивлены, рот округлился в букву «о» — это у нас наступает момент наивысшего наслаждения, сейчас мы закричим или засмеемся... Дореволюционный писатель Иванов об отдельных российских мужчинах написал, что «пустыня у них начиналась от глаз»; ах, как нынешним девушкам это нравится! какая романтика! Весь Иван Антонович стал мягкий и удовлетворитель-

ный, приятный во всех отношениях человек, окруженный полезными знакомствами. Ибо правильно в свое время выбрал профессию: коммунальное хозяйство, господ, когда в холодном сортире на морозе задница примерзает, есть важнейшее из наших буржуазных искусств! Это вам не для пролетариев кино снимать!

Марья Петровна не то чтобы об увлечениях Ивана Антоновича не знала: захотела бы, так даже видеосъемку смогла бы получить, просто не думала она об этом. Ибо давно уже вела образ жизни расслабленный, в конторе своей бывала часа по четыре три раза в неделю, детьми занималась и изредка встречалась со старыми своими серьезными знакомыми. Не так чтобы ради чего, а если и случалось, так кто же их упрекнет? Марья Петровна мужем своим была вполне удовлетворена, но поскольку считала себя особой бурного темперамента, то требовалось ей иногда страстей необузданных, которые при наличии двух детей и десяти лет прожитой супружеской жизни Иван Антонович демонстрировал все реже. Но и за эти редкие вспышки Марья Петровна была вполне ему признательна и на большее в жизни с Иваном Антоновичем не претендовала.

Женщиной, по общему признанию и своему мнению, Марья Петровна была не только красивой, но и умной, а это обязывает — стала она задумываться о своем будущем. Не то чтобы, выходя замуж и строя дальнейшую свою совместную жизнь с Иваном Антоновичем, она об этом не задумывалась: еще бы, конечно, все прикинула с различных сторон, но одно дело планы, а другое — живой и родной муж, который прихоти твои исполняет и глядит с обожанием. Ведь это так важно, чтобы глядели с обожанием: вожди за это все готовы простить вечно виноватому перед ними народу, чего же о Марье Петровне говорить? Размякла она, да ведь и в остальном Иван Антонович оказался куда как хорош! Жалко... даже и сейчас жалко. Хорошо-то как в семье жить! Можно детей на Ивана Антоновича оставить, можно с собой взять, да и деньги можно тратить не те, что сама заработала, а те, что лежат в общей тумбочке... Человек у нас в семье хоть как-то да защищен, а что же он на виду у общества в одиночестве делает? Пристально смотрит у нас общество за одинокими индивидуумами, ибо справедливо ожидает от них атаки на устои, на столпы, можно сказать, с целью последующего их свращения и опять-таки увода из семьи. Это что же такое может получиться в результате, когда устои-то общества шатаются? Беда, да и только. Никогда не стоит соблазняться женатыми принцами или уводить жену партийного лидера: за это столпы могут подвергнуть индивидуума остракизму. И хотя Марья Петровна сама остракизму не любила других подвергать, все эти механизмы

очень хорошо понимала, даже, правильнее сказать, чувствовала всей ухоженной руками заботливого косметолога кожей.

Но время, время! Время после сорока работает на мужчин и против женщин, это не то совсем, что с семнадцати до тридцати пяти. И если делать что-то, то надо делать быстро, поскольку дальше и делать будет незачем. Спать можно в разных комнатах, видется изредка... на то и есть преимущества обеспеченной жизни.

На одиннадцатый год совместной жизни уличила Марья Петровна Ивана Антоновича в супружеской неверности и развелась. И вот тут-то общество города N получило полное удовлетворение и даже наслаждение от случившегося при этом семейного выяснения отношений. Подтверждались различные мнения, ходившие в обществе десять лет назад, а подтверждение своего мнения дает обществу сознание собственной правоты; это такое наслаждение, что ничего за него не жалко. И дискуссии вокруг того, что имел место все-таки мезальянс, возобновились с новой силой.

Разводились Марья Петровна и Иван Антонович по суду, но поскольку имелся в наличии подписанный десять лет обеими влюбленными сторонами брачный контракт, где предусматривались штрафные меры за нерегламентированное семейными узами сексуальное поведение, то Иван Антонович по-всякому был проигравшей стороной. Однако к удивлению Марьи Петровны, супруг ее нежный тоже выволок на божий свет каких-то свидетелей, стал доказывать, что рога у него присутствуют, и сдаваться на ее милость не собирался. Суд, знакомый Марье Петровне, как ей показалось, слушал свидетелей с каким-то нездоровым интересом.

Соблазнительница же Ивана Антоновича оказалась, как на грех, одной из лучших подруг Марьи Петровны. И надо же, у адвоката Ивана Антоновича какое извращенное мышление оказалось: обвинил он Марью Петровну в словоре со своей подругой с целью лишения Ивана Антоновича бизнеса и построенного им для своих кровинушек маленького трехэтажного дома.

Правильно говорит народная мудрость, что после одного развода даже пять похорон не испугают. Тянулся этот процесс чуть ли не полгода, к вящему общества N удовольствию. Дом Марья Петровна полностью забрала себе, а сантехнический бизнес, так уж и быть, Ивану Анто-

новичу оставила. Опять-таки, надо же ему было с чего-то алименты платить детям, которые, естественно, с матерью остались. И нечего таким отцам потакать. Чему они могут научить детей, когда своим женам изменяют?

«Тигрица, истинная тигрица наша Марья Петровна, — говорили постаревшие знатоки светской жизни. — Это же сколько терпения надо было, чтобы такую комбинацию повернуть. Что против нее этот монтажник унитаза? Так, хорек».

Широкие же мужские массы не очень эти результаты одобрили. Они, конечно, признавали, что мезальянс имел место, — выходила девушка замуж за человека не своего круга, но обошлась она с Иваном Антоновичем несколько жестко, а мужчины, при всем своем тугодумии, часто задают себе простой вопрос: а если бы на его месте оказался я? И в данном конкретном случае становилось им несколько обидно за коллегу.

Женская же часть общества города N и вовсе встретила результаты развода гробовым молчанием. Иван Антонович, среди дам бывая, шпилек особых не говорил, старался девушкам угождать и пользовался жалостливой положительной репутацией мужа-подкаблучника. А в этом случае женщины часто приходят к неожиданному выводу, что их подруга — большая стерва. Поскольку же многие из них подозревают в себе наличие таковых не очень добрых качеств, то о чем же тут вслух говорить?

Престарелые родители Марьи Петровны развод дочери одобрили. Сколько ни старался, не нравился им Иван Антонович, и всё тут. А родители Ивана Антоновича так и не узнали о его разводе. Не стал он им про это сообщать, да и зачем волновать стариков?

Жизнь совместная Ивана Антоновича и Марьи Петровны, однако, этим совсем не закончилась, а, даже совсем наоборот, приобрела новые, очень острые для их чувств формы. Ибо более всего переживали эту коллизию их дети, которые к отцу очень хорошо относятся и не понимают, отчего он перестал у них постоянно дома жить. Иван Антонович и Марья Петровна нервы их берегли, но судебный процесс очень уж тяжелый получился. Надо было и дом, и фирму оценивать, и прочие разные виды имущества, подлежащие разделу.хлопотно это было, с большими эмоциональными затратами. Долго они друг другу этого простить не могли. Марья Петровна даже потом с лучшей подругой поссорилась: уж слишком масляные у той глазки становились, когда та ей об Иване Антоновиче рассказывала.

Но через год после развода стал Иван Антонович иногда в дому Марьи Петровны оставаться, на радость детям. А через два и вовсе к ней переселился, и даже бы-

Мезальянс

вает, что и в одной комнате ночуют. В целом очень они довольны друг другом, даже в обществе стали вместе бывать, что было принято в свете местном с умилением. В конце концов — это ли не образец вежливости и хороших манер?

Деньги и имущество Иван Антонович и Марья Петровна более не обсуждают. Марья Петровна получила то, что ей нужно было для нормальной жизни в зрелые годы, и стала гораздо спокойнее, даже как-то раз от необузданной страсти одного молодого адвоката отказалась. Дело, конечно, хорошее, но уж больно он к ней в дом набивался. А это уже излишнее.

Иван Антонович Марью Петровну простил: он свидетелем был в завещании, по которому дом и другие виды имущества отходят детям, а вовсе даже не какому-то неожиданно и незнакомому субъекту. Ведь это же самое святое в нашей жизни, и материнские чувства нельзя не понимать. У него-то еще и другие дети могут быть. А у Марьи Петровны? Нет, она правильно все рассчитала, так что Иван Антонович даже гордился в душе умом и морально-волевыми качествами своей супруги. И претензий у них никаких к друг другу нет за то, что кроме общей, у каждого есть теперь и своя личная отдельная жизнь, и отдельные личные деньги. Поскольку устроено так, что каждый должен быть за себя, себя защищать и за себя отвечать. И передать все это детям с неизменным приростом благосостояния. Иначе же зачем были Марья Петровна и Иван Антонович? Зачем любили друг друга? Неужели их дети должны начинать все сначала, во враждебном окружении, в равных стартовых условиях? Зря, что ли, Марья Петровна соглашалась на мезальянс?

Все это понимают, да вслух никто не скажет. Марья Петровна теперь обеспеченная женщина до самой своей смерти, но это всего лишь прямое следствие ее заботы о своих детях. А уж как возрос после этой истории ее авторитет нотариуса и юридического консультанта в городе N — клиенты в очередях томятся. Ибо правильно понимает Марья Петровна жизнь, что является ценным и непреходящим, за это никаких денег не жалко. И счастье ее с Иваном Антоновичем, несмотря на все жизненные фрикции и амплитуды, теперь уже окончательно и бесповоротно.

Оформление Т. Касьяновой